

О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя.

По действующим Церковным правилам титул Местоблюстителя Патриаршего престола усвоется иерарху, который временно исполняет обязанности первого епископа данной Церкви *Sede vacante*, т. е. в период времени с освобождения Патриаршей кафедры (за смертью или уходом Патриарха от должности) и до избрания нового Патриарха. Предусматривается должность Местоблюстителя и Положением о нашем Высшем Управлении, выработанным на Соборе 17—18 гг.

Как будто бы следует этому общецерковному порядку и иерарх, назначенный завещанием Св. Патриарха исполнять обязанности первого епископа нашей Русской Церкви. Но недаром его титул—„Патриарший Местоблюститель“, а не „Местоблюститель Патриаршего Престола“, как предусмотрено правилами. Эта с виду незначительная разница намекает на весьма существенное различие в объеме полномочий нашего Патриаршего Местоблюстителя от обычного Местоблюстителя.

I. Правила, как и всегда, предусматривают церковную жизнь в ее нормальном течении. Предполагается, что рядом с Патриархом в наличии находится известное, разделяющее с ним труды по управлению, соборное или коллегиальное учреждение, называемое в разных церквях различно: Архиерейский Собор, Священный Синод, а у нас совместно действующие Священные Синод и Высший Ц. Совет. Со смертью Патриарха вся полнота канонической власти, строго говоря, переходит к этому учреждению, и оно из своей среды избирает Местоблюстителя. Во всех соответствующих случаях Местоблюститель выступает, как временный Предстоятель данной Поместной Церкви, как ее первый епископ. Но, конечно, он не пользуется ни авторитетом Патриарха, потому что избирается только на время, до избрания нового Патриарха, т. е. у нас месяца на три, а в других церквях—и на более короткий срок. Не пользуется он и всею полнотою Патриаршей власти, потому что остается членом Синода и его Представителем и может действовать только по полномочию Синода и нераздельно с ним. Эту ограниченность полномочий Местоблюстителя подчеркнул наш Собор 17—18 гг., определив, что Местоблюститель не имеет Патриаршего права возношения его имени по всем церквам Патриархата*), а также права обращения от своего имени с посланиями ко

Всероссийской пастве. И то и другое Местоблюстителю предоставляется только совместно с Священным Синодом.

Само собою понятно, что у такого Местоблюстителя не может быть заместителей. Источник его полномочий—Синод, в случае нужды, всегда может перенести эти полномочия на другое лицо с тем же титулом.

II. Наш „Патриарший Местоблюститель“ получил свои полномочия не от Синода и не совместно с Синодом, а непосредственно от Патриарха. Знаменательно, что ко дню смерти Патриарха из всего столь широко на соборе задуманного аппарата остался один Патриарх. Он один сохранил свои полученные от Собора полномочия на управление Российской Церковью. Срок полномочий Членов Синода и Высшего Церковного Совета уже давно истек, и они не могли более принимать участия в управлении. Существовавший при Патриархе Синод из трех Архиепископов, а потом—Митрополитов, полномочий от Собора не имел, был собран по личному приглашению Почившего и с его смертью терял полномочия. Таким образом, рядом с Патриархом не оказывалось Собором уполномоченного учреждения, которое бы, участвуя в высшем управлении Церковью, могло автоматически принять от Патриарха всю полноту порученной ему Собором Патриаршей власти и соблюсти ее до избрания нового Патриарха, избрав Местоблюстителя. Оставался единственный путь к сохранению этой власти: личным Патриаршим распоряжением указать лицо, которое бы по смерти Патриарха восприняло всю полноту Патриаршей власти для передачи будущему Патриарху. Это Почивший сделал своим завещанием.

Так как вопрос шел именно о том, чтобы сохранить для Русской Церкви не в теории, но и на практике, в действии—учрежденную Собором Патриаршую власть во всей ее полноте, то в завещании и говорится определенно о переходе к одному из указанных кандидатов всех прав и обязанностей Патриарха без каких либо ограничений. Завещание не усваивает будущему носителю Патриаршей власти титула Местоблюститель, что давало бы повод приравнять к обыкновенному Местоблюстителю и тем ограничивать его права. Уже сам Владыка Митрополит Петр, при вступлении в должность избрал для себя такой титул, может быть желая этим показать, что он совсем не намерен присваивать Патриаршей власти пожизненно, а смотрит на себя только, как на временного носителя этой власти для передачи будущему Патриарху. По прямому же смыслу завещания он бы должен был

*) По обычаю, установившемуся в нашей Русской Церкви. В других Православных Церквях практика другая: там имя Патриарха возносится только в церквах его собственной епархии, в других же епархиях поминает Патриарха только Епархиальный архиерей, клир-архиерей.

именоваться: „Исправляющий должность Патриарха“ со всеми правами, этой должности присвоенными, в том числе и с правом обращения ко Всероссийской пастве лично от себя с посланиями и с правом возношения его имени во всех церквах Патриархата.

III. Некоторые выражают сомнение в канонической состоятельности такой единоличной передачи Патриаршества. 23 правило Антихийского Собора, говорят они, прямо запретило епископу поставять себе преемника и объявило такое постановление недействительным. Но правило запрещает епископу поставять преемника, как бы своего наследника, по кафедре, и, понятно, почему. Во-первых, епископ не должен рассматривать „собственность—Божью“ и „Церковь Божию“ как свое личное достояние (тем более, что с занятием кафедры тогда соединялось и распоряжение всем принадлежавшим кафедре и имуществом), как это и говорится в 76 Апостольском правиле. Во-вторых, единоличное замещение кафедры нарушает права клира и мирян, а равно собора епископов, которым по установленному порядку предоставлено избирать и поставять епископов на вдовствующие кафедры. Между тем почивший Патриарх, передавая в силу сложившихся обстоятельств единолично Патриаршую власть, ни одним словом не коснулся кафедры Московского Патриарха. Она до сих пор стоит незанятая. Это, кстати, питает и особенное отношение к почившему со стороны верующих Москвичей. Не справляясь, конечно, с установленным в Церкви порядком, они до сих пор называют почившего „Великим Господином и Отцом нашим, Московским и всея России Патриархом“. Для них Патриаршая кафедра до сих пор как бы числится за почившим, и они отнюдь не приравнивают к нему наличных носителей Патриаршей власти. Значит, когда соберется наш Поместный Собор, он будет иметь полную возможность избрать на пустующую Московскую кафедру нового Патриарха, и заветование почившего ни в какой мере не помешает такому избранию.

Главное же, передачу Патриаршей власти нельзя считать в собственном смысле единоличным действием почившего. Он, во-первых, имел на то особое поручение от Собора 17—18 гг., предложившего ему такую передачу власти временному носителю в случае, когда не окажется в наличии Собором уполномоченного учреждения. А во-вторых, Патриаршее завещание при его вскрытии было единогласно утверждено соборным мнением целого сонма Архипастырей, собравшихся на погребение Патриарха. Тогда составлен был и письменный акт, в котором, между прочим, отмечалось, что завещание должно иметь силу, так как у почившего не было иного способа сохранить в Русской Церкви законное преемство Патриаршей власти и что поэтому Митрополит Петр, на которого выпал жребий, не имел право уклониться от возлагаемого послушания.

Таким образом, наш Патриарший Местоблюститель есть законный, канонически бесспорный носитель Патриаршей власти во всей ее полноте, и должность такого Местоблюстителя должна в нашей Церкви сохраниться до замещения Московской Патриаршей кафедры установленным путем.

IV. Было бы такой же ошибкой и в определении полномочий Заместителя исходить из титула. В качестве технического термина слово „Заместитель“ (как и „Местоблюститель“) обычно означает должность с правами, более или менее ограниченными сравнительно с тем, кого замещают. Исходя из этого технического смысла, некоторые и пытались утверждать, что и Заместитель Патриаршего Местоблюсти-

теля уполномочен последним вершить только дела, так называемые текущие и не может брать на себя решения дел принципиальных и общецерковных. Но достаточно сказать, что в распоряжении Митр. Петра от 6 декабря 1925 г., которым переданы мне обязанности Местоблюстителя, я не назван „Заместителем“. Так называть себя я стал по собственному почину. Можно спорить, насколько удачно я выбрал название для своей должности, но совершенно неправильно этим случайно явившимся названием определять объем переданных полномочий. Единственно законным определителем в данном случае может быть только вышеупомянутый документ от 6 декабря. В нем мы читаем: „В случае невозможности по каким либо обстоятельствам отправлять мне обязанности Патриаршего Местоблюстителя, временно поручаю исполнение таковых обязанностей“ такому-то. Обязанности передаются, как видим, без всякой оговорки, очевидно, в том же виде и объеме, в каких их нес сам Местоблюститель. Документ оставляет за Местоблюстителем лишь его титул и право возношения его имени по всем церквам Патриархата. В отношении же объема передаваемых полномочий наш документ существенно разнится от известной резолюции Метр. Петра от 1 февраля 1926 г. В этой резолюции, проектируя передать высшее управление Церковью коллегии из трех архиереев, Местоблюститель совершенно определенно указывает, что коллегии этой онверяет только текущие дела, дела же принципиальные и общецерковные оставляет за собой. Такой оговорки в документе от 6 декабря нет, да и по существу дела ее не могло быть. Ведь у нас существует постановление Патриарха и Синода от 5/18 мая и 7/20 ноября 1920 г. за № 362, по которому предоставлялось епархиальным архиереям вершить все дела (а не только текущие), когда прекратится административная связь епархии с центром. Какой же был бы смысл нагромождать лишнюю инстанцию—Заместителя, если бы последний не мог ничего делать больше предоставленного каждому епархиальному архиерею.

К тому же выводу о полномочиях Заместителя приводит нас и историческая аналогия. Как известно, „Заместителем“ Патриарха начал себя именовать в 1922 г. покойный Митрополит Ярославский Агафангел, которого Св. Патриарх, „вследствие крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения „Патриарха к Гражданскому суду“, счел полезным для блага Церкви поставить во главе Церковного управления. Титул „Заместителя“ опять таки в грамоте Патриарха не был указан, а был избран самим Митр. Агафангелом. Однако, определяя свои полномочия не по техническому значению слова „Заместитель“, а по существу дела, Митр. Агафангел „почитал своим долгом... созыв Всероссийского Поместного Собора“, который должен был дать решение всех принципиальных вопросов. Таким образом, Заместитель Патриарха, еще здравствующего, но устранившегося от управления из-за предания его Гражданскому суду, признает себя облеченным всею полнотою Патриаршей власти, до созыва Поместного Собора включительно. Даже на этот созыв он не считает необходимым во что бы то ни стало добиваться каких либо указаний от Патриарха, а между тем Собор полномочен поставить вопрос и о суде над самим Патриархом.

Настоящее положение нашего Церковного управления—во главе с Заместителем здравствующего, но устранившегося от дел Местоблюстителя—до тождества аналогично положению управления в 1922 г. при устранившемся Патриархе и фактически управлявшем

Заместителе. Нет, поэтому, никаких оснований утверждать, будто теперешний Заместитель в отличие от тогдашнего, должен почитаться ограниченным в правах, хотя бы в документе, передающем власть, и не было никаких оговорок об ограничении (как не было их и в 1922 г.).

Таким образом, по документальным нашим данным, Заместитель облечен Патриаршей властью в том же объеме, как и заменяемый им Местоблюститель. Да и существом дела это требуется, иначе не было бы ответственного кормчего у Церковного корабля, и тогда не было бы и цели вообще кому бы то ни было передавать власть. Различие между Местоблюстителем и его Заместителем не в объеме Патриаршей власти, а только в том, что Заместитель является как бы спутником Местоблюстителя: сохраняет свои полномочия до тех пор, пока Местоблюститель остается в своей должности. Ушел Местоблюститель от должности (за смертью, отказом и под.), в тот же момент прекращаются полномочия Заместителя. Само собою понятно, что с возвращением Местоблюстителя к управлению, Заместитель перестает управлять.

За распоряжения своего Заместителя Местоблю-

ститель ни в какой мере не может быть ответственным и потому нельзя ожидать или требовать, чтобы Местоблюститель вмешивался в управление и своими распоряжениями исправлял ошибки Заместителя. Такое вмешательство повело бы только к еще большему расстройству Церковных дел и к анархии, как и всякое двоевластие. Как самостоятельный правитель, Заместитель сам и отвечает за свое правление перед Поместным Собором.

Конечно, порядок вещей, когда Церковь управляется Заместителем, нельзя признать нормальным. Такой порядок может быть терпим лишь в качестве меры временной и переходной. Тоже самое можно сказать и об управлении при Местоблюстителе. Было бы очень плохо, если бы Заместитель и Местоблюститель были заинтересованы в том, чтобы сохранить такой порядок на возможно продолжительное время. Наш архипастырский долг думать о скорейшем созвании Поместного Собора, который, правда, освободил бы нас от столь высоких полномочий, но за то привел бы управление нашей Церкви в нормальный порядок.

М. Сергий.